

УДК 37.014.14

МЕКТЕБ ИЛИ ШКОЛА? ВВЕДЕНИЕ ВСЕОБЩЕГО ОБУЧЕНИЯ В СРЕДЕ МУСУЛЬМАН ПОВОЛЖЬЯ И ПРИУРАЛЬЯ*

Наганава Норихиро

Введение

В отличие от мусульман, проживавших на территории Туркестана и Казахской степи, у мусульман Поволжья и Приуралья существовали губернское и уездное самоуправления в лице земств, что являлось одной из составляющих Великих реформ Александра II. Земства представляли собой местные двигатели народного образования до того, как правительство стало демонстрировать свои обязательства на рубеже веков и расширять свое влияние путем увеличения денежного ассигнования земствам после Революции 1905 г. Со времени введения «Правил о мерах к образованию инородцев» 26 марта 1870 г. Министерство народного просвещения (МНП) прилагало огромные усилия для развития русского образования в среде мусульман посредством русско-татарских школ и русских классов при мектебах и медресе. В тот же период мусульмане самостоятельно начали преобразовывать свои конфессиональные школы посредством введения нового метода (*усул-и джадид*). Участие земств в распространении начального образования в среде мусульман, являвшихся такими же важными плательщиками налога, как и русские крестьяне, усложнило вопрос мусульманского школьного образования. После 1905 г.

соперничество между МНП и земствами за лидерство в сфере образования среди нерусских групп населения стало жестче, чем когда-либо. В результате мусульмане были поставлены перед альтернативой: либо продолжать преобразование джадидистских школ с целью их присоединения к официальной школьной сети, либо адаптировать министерские и земские школы под интересы мусульман.

В этой статье рассматривается то, как волго-уральские мусульмане участвовали в государственном проекте всеобщего обучения. Речь идет о разных стратегиях мусульманских интеллигентов, а также сельчан в отношении к государству в целом, и к земствам в частности. Хотя историки отмечали различный подход к земствам и МНП, но изучение государственной образовательной политики в отношении мусульман было сосредоточено главным образом на законодательных процессах в министерствах и Государственной Думе, действиях местных чиновников МНП или православных миссионеров и, хоть и не столь существенным образом, реакции мусульман на данные меры¹. Чарльз Стеинведед освещает деятельность уфимских земств на фоне политической картины на местном и государственном уровнях². Однако в общем особенности сотрудниче-

* Эта статья первоначально была опубликована на английском языке в сборнике статей Tomohiko Uyama, ed., *Empire, Islam and Politics in Central Eurasia* (Sapporo: Slavic Research Center, 2007), 65–97. На русский язык переведена с разрешения редактора сборника и Центра славянских исследований Университета Хоккайдо, Япония. Спустя четыре года после публикации автор статьи пользовался этим случаем для исправления некоторых мест и добавления новых сведений. Перевод с английского языка Д.К. Вахитовой.

ства между местным самоуправлением и мусульманами еще не стали предметом существенного изучения³. Труды, посвященные теме земских школ, появились в Уфе и Казани лишь недавно. Они отражают сегодняшний живой интерес к образовательной политике в республиках Башкортостан и Татарстан⁴. Однако такой стереотип, как сопротивление консервативных мусульман земским школам, складывается исходя из местных работ «национальной истории», так же, как и из литературы имперского периода, включая высказывания мусульманской интеллигенции. Мы пересматриваем это сугубо обобщенное представление посредством анализа политических и административных условий, в которых существовали мусульманские общины и земства.

Сравнение с общими работами по деятельности земств дает нам возможность пересмотреть опыт мусульман в более широком контексте модернизации российского общества⁵. Уфимские и позже Оренбургские земства пытались дополнить структуру школы, прибегая к существующим новометодным школам. Этому предшествовала деятельность земств между 1864 и 1890 гг., заключавшаяся в распространении начального образования путем формализации существующих крестьянских школ, в которых обучали грамоте с общинными средствами. Более того, мы нацелены на то, чтобы бросить вызов пониманию периода после 1905 г. как «реакционного» для земств. Как правило, говорят, что увеличение финансирования начальных школ со стороны МНП привело к большему контролю школ и изоляции полномочий земств⁶. Однако, как утверждает С.Сережни на основании материалов Уфимской губернии, в этот же период земства продолжили организацию самых амбициозных за всю свою пятидесятилетнюю историю кампаний в области образования крестьянского населения⁷. Согласно точке зрения Бена Эклофа, земства воспользовались контролем над местной системой образования для того,

чтобы претендовать на особое место своей политики перед МНП. Это воззрение применимо и к Уфимскому, и Оренбургскому земствам, принявшим основательные меры по отношению к нерусским школам⁸. Действительно, соперничество между МНП и земствами было тем более серьезным в сфере образования для нерусского населения, что школьная политика зависела от того, какой тип «русской гражданственности» должен быть введен в среду нерусского населения⁹.

В административном отношении Волго-Уральский регион был разделен на Казанский и Оренбургский учебные округа¹⁰. В то время как Казанский округ играл ведущую роль во введении миссионерских школ, Оренбургский округ взял на себя функцию организации финансируемых земствами и МНП школ для нерусских народов¹¹. В 1910 г. около половины так называемых иногородческих школ Оренбургского учебного округа функционировали в Уфимской губернии¹². Сложившаяся ситуация обострила конфликт между уфимскими земствами и МНП за сферу полномочий: в то время как министерство пыталось ограничить участие земств в финансовой сфере школ, уфимские земцы предприняли расширение своей деятельности и в педагогической сфере. В 1909 г., когда введение всеобщего обучения началось с Златоустского уезда, уфимские земства стали подвергаться серьезному рассмотрению мектебы и медресе¹³.

Уфимская губерния заслуживает особенного внимания не только с точки зрения отношений между земствами и МНП. Она является второй по численности мусульман после Ферганской области¹⁴, и мусульмане составляют половину населения губернии. Земства могли воспользоваться Оренбургским магометанским духовным собранием в Уфе для продвижения своих школьных проектов среди мусульман. Более того, активное сотрудничество между уфимскими земцами и местными мусульманами в сфере народного образова-

ния служило поучительным примером для мусульман и земских деятелей соседних регионов. В отличие от Уфимской губернии казанские земства уделяли внимание строительству дорог, мостов и т.д. Казанская татарская газета «Йолдыз», высоко оценившая вклад уфимских земств в мусульманское образование, выражала недовольство, что дороги и мосты занимали лишь второе и третье место среди всех потребностей людей¹⁵. После введения земской структуры в Оренбургской губернии в 1913 г.¹⁶ местные земцы зачастую ссылались на опыт уфимских коллег и с ними сотрудничали. За экспериментами уфимских земств с большим интересом наблюдали и мусульмане соседнего Западносибирского учебного округа¹⁷.

В то время как введение всеобщего обучения для нерусских групп населения усугубляло разногласия между МНП и земствами по целям и руководству, распространение стандартных школ в рамках этой государственной политики вызвало спор вокруг совместимости «русской гражданственности» и национальности и среди мусульманской интеллигенции. Этот вопрос был четко отражен в сериях статей под названием «Мектеб или школа?», появившихся в мусульманской прессе в 1913–1916 гг. Спор охватил северную полосу Центральной Евразии, от Казани до Томска. Мы проанализируем два аспекта спора: финансовые средства махаллы¹⁸ и место мектебов в модернизации государственной системы школьного образования. Спор берет свое начало в казанском журнале «Мектеб» с точки зрения первого аспекта. После 1905 г. образовательная программа новометодных мектебов быстро приближалась к образовательной программе земских школ. Дискуссия развивалась по вопросу колебания между мектебом и школой, а в итоге привела к разработке «третьего типа» мусульманских школ.

Главными участниками полемики были представители светской интел-

лигенции (*зыялылар*) и учителя мектебов (*мугаллим*)¹⁹. Учившись в новометодных и нерусских школах МНП, они предпочли педагогическую и писательскую деятельность через личные связи с муллами или купцами духовным обязанностям, подчиненным неустойчивой экономике махаллы²⁰. Сферу их деятельности расширило появление мусульманской журналистики в результате революции 1905 г. Таким образом, появилась отдельная от духовенства мусульманская интеллигенция. Введение всеобщего обучения могло поставить под угрозу существование мугаллимов: возможно ли довести до конца реформу новометодных мектебов столько, сколько они могли бы соревноваться с государственными стандартными школами, вопреки ограниченным финансам махаллы? Если эти мектебы будут вытеснены школами, то смогут ли мугаллимы найти работу в школах? Аргументы четко отразили степень взаимодействия земств и местных условий, в которых жили участники полемики.

Отношение мусульман к образовательной деятельности земств

Реформы 1906 г. и общая мобилизация мусульманского общества на выборы в Государственную Думу имели сложное влияние на участие мусульман в делах земства²¹. В историографии довольно часто встречается такое простое противопоставление по поводу отношений мусульман к школьной реформе: джадидистская интеллигенция выступила единственной силой социального преобразования, а противоположную позицию занимали изолированные, традиционные, сельские общества. Дело в том, что данный стереотип использовали и мусульманские реформаторы начала XX века, чтобы обозначить свою миссию в мусульманском обществе. Сегодняшние «национальные» историографии Казани и Уфы также вносят огромный вклад в восстановление этих представлений. Однако мы утверждаем, что именно «националь-

ная» риторика мусульманской интеллигенции затрудняла переговоры с земствами.

После 1905 г. мусульманские сельские жители стали видеть важную часть источников приходов в пособии от земств. В июне 1905 г. собрание башкирских представителей Уфимской губернии обратилось с петицией против ограничений избрания мусульман в земские собрания, прося возможности отправить мусульман в уездные земские управы. Присутствовавшие на собрании также сочли необходимым открытие ремесленных школ за счет земств, чтобы мусульмане могли кормить себя в неурожайные годы²². Прихожане четвертой мечети д.Сафарово Уфимского уезда были настолько бедны, чтобы самостоятельно построить мектеб или медресе, что вынуждало их надеяться на земское пособие. Однако соседние муллы осуждали крестьян за нарушение исламского закона (*шариат*). В ответ на прошение от имама четвертого прихода д.Сафарово Духовное собрание 8 августа 1906 г. провозгласило, что шариат не запрещает использование земского пособия для построения и содержания конфессиональных школ²³. Оренбургская газета «Вақыт» отметила данное суждение как «ключевое для всего сообщества (*миллят*)» и тем самым пыталась привлечь особое внимание читателей²⁴. Позже в д.Сафарово кроме мектебов для мальчиков и девочек открылись также русско-татарские школы, где 50 мальчиков и 70 девочек обучались отдельно русскому и «мусульманскому» языкам²⁵. В конце 1913 г., когда губернское земство начало открывать 6 инородческих региональных библиотек, одна из них была учреждена в этом населенном пункте²⁶.

Историки считают самой важной причиной непопулярности земских школ религиозную консервативность мусульман и упрямое сопротивление мулл «центрам христианизации»²⁷. Однако в первую очередь стоит сравнить мусульманский случай с деятельностью русских крестьянских школ по распро-

странению грамотности во второй половине XIX века. Земства замечали, что само существование школ грамоты свидетельствует о скрытом спросе крестьян на образование, и вследствие этого начали включать их в земскую систему народного образования. В этом процессе русские крестьяне также заботились о религиозном учении, поэтому учителя ввели религиозное учение, тем самым обеспечили их поддержку по отношению к земским школам. В то время как земский капитал был ограничен, крестьянские общины сохраняли инициативу не только относительно финансирования школ, но и относительно учебной программы²⁸. Как и показывалось в полемике «Мектеб или школа?», мусульмане также пытались разделить бразды правления с земствами, чтобы мектебы и школы существовали в «национальном духе (*милли рух*)».

Степень вмешательства чиновников МВД в дела мусульман также определила диапазон деятельности земств и участия в ней мусульман. В то время как преследование джадидов, приравненных к панисламистам, было в полном разгаре после 1905 г., особенно в Казанской губернии, Уфимский и Оренбургский губернаторы опровергли доводы чиновников МВД, отмечая, что на самом деле «фанатичные» муллы осуждали «прогрессивных», чтобы не потерять в пользу последних свой престиж и материальную базу²⁹. Правда, Уфимский губернатор попытался исключить мусульманских представителей из земств, следуя примеру Столыпина в отношении поляков в западных губерниях. Однако Петр Коропачинский, председатель губернского земства с кадетскими воззрениями, сумел избежать конфликта с губернатором³⁰. Его инициатива способствовала и сотрудничеству с джадидистской интеллигенцией.

Более того, недавние исследования различных мусульманских регионов в центральной Евразии указывают на существование внутренней политики, появившейся в результате соперничества за государственное покровитель-

ство и распределение «культурного» и финансового капитала³¹. Следовательно, увеличивающиеся контакты с русскими властями после 1905 г. активировали политику внутри мусульманских общин, и столкновение интересов могло ограничивать возможность сближения их с земствами. В то время как одни пытались воспользоваться земствами, чтобы поддержать финансы махалли, другие же могли вызвать полицейскую силу для того, чтобы остановить это новшество под лозунгом защиты шариката. В Казанской губернии, где вмешательство жандармерии усилилось после 1905 г., мусульманам было нелегко привлечь земства к поддержке приходов. Крестьяне д.Шемяково в Мамадышском уезде согласились построить медресе с русским классом, принимая при этом финансовую поддержку уездного земства и купца Нигматуллаха Габбасова, жившего в г.Иргизе Тургайской области. Но это привело в ярость местного муллы Давлетшу Ибадуллина, который обучался в Бухаре и был сторонником «бухарского порядка». Для того чтобы сместить муллу, прихожане сообщили о нем губернским властям, заявляя, что он вступал в контакт с «Мухамедгали», т.е. Дукчи Ишаном, лидером Андижанского восстания 1898 г. Мулла и его сторонники в свою очередь пытались убедить жандармерию в «политической неблагонадежности» купца, характеризуя его как панисламиста³².

Вместе с преследованием джаидов в Казанской губернии сотрудничество мусульман с земцами не привело к таким же результатам, как в Уфимской губернии, из-за характера риторики казанской мусульманской интеллигенции о национальных интересах. Для защиты «национального духа» она, как правило, настаивала на параллельном сосуществовании мектебов и государственных, а также земских школ, и на равном государственном финансировании как церковно-приходских школ, так и мектебов. Разница в формировании мусульманской интеллигенции в Казанской и Уфимской губерниях так-

же сказалась на их стратегиях во взаимоотношениях с земствами. Казанские реформаторы по происхождению были крестьянами, переехавшими в Казань в 1870–1880-х гг. Их успех в промысле позволил им взять инициативу в перестройке городской мусульманской жизни³³. С другой стороны, многие из уфимских мусульманских лидеров были из дворянских семей, которые работали в государственных учреждениях и органах местного самоуправления. Этот факт объясняет их эффективное сотрудничество с земствами. И так, в октябре 1906 г. на Казанском уездном земском собрании земская управа высказалась за открытие земских школ с преподаванием на родном языке, в которых не должно быть миссионерских и русификаторских задач. Однако возглавляемая Галимджаном Баруди (1857–1921) подкомиссия для разработки принципов земского просвещения мусульман уезда предложила финансировать существующие мектебы и медресе, не обявывая их при этом изучать русский язык, а также она выдвинула идею, согласно которой школьная программа должна строиться исключительно на решениях III Всероссийского мусульманского съезда, проходившего в августе 1906 г. По его решению профессиональные школы должны быть под контролем ОМДС³⁴. Критикуя это поведение подкомиссии, требующей только денег и отвергающей необходимость русского языка, так же как и земское заведование школами, газета «Вақыт» подчеркивала, что после провозглашения Манифеста о «свободе совести» нет больше причин бояться изучения русского языка и обучения в земских школах³⁵.

Таким образом, крестьяне-мусульмане были вовлечены в политику внутри своих общин, прибегая при этом к вмешательству со стороны государственных учреждений, тогда как настроенная на реформы казанская интеллигенция из-за их замкнутого понимания национальных интересов не могла найти с земством общего языка.

В 1912 г. Мамадышский уездный исправник сообщил губернатору, что простой народ, который не боялся контроля МНП, обращался с ходатайством в пользу земских школ, однако татарская интеллигенция, из-за страха обрусения народа, потребовала одобрения их собственной общеобразовательной программы, а также контроля мектебов и медресе со стороны мусульманского духовенства³⁶.

Если толкование и сопоставление установленного закона и исламских терминов были принципом организации мусульманских приходов в Волго-Уральском регионе³⁷, то каким образом религиозные ученые попытались истолковать и оправдать поддержку местного самоуправления с богословской точки зрения? Бывший член Духовного собрания Ризаэддин Фахреддин отказался от эгалитаризма с русскими приходскими школами, потому что «государство не обязано учить наших детей вере и намазу». Он считал, что стабильные финансовые ресурсы для мектебов и медресе представляют собой пособия местного самоуправления и исламского подоходного налога (*закят*), взимаемого с владений богатых согласно шариату. Р.Фахреддин доказывал, что расходованию закята в пользу мектебов и медресе достойно «Божьего пути» в 60 стихе 9 главы Корана, в котором устанавливается применение закята. Объясняя, что «Божий путь» включал в себя усиление ислама и общественного благосостояния (*маслаха*), он обосновывал поддержку самоуправления с точки зрения общественного благосостояния. Однако что же касается всеобщего обучения, то, возможно, Р.Фахреддин пока не мог определить, что этот государственный проект принесет мусульманскому сообществу. Поддерживая параллельное сосуществование мектебов и школ, он был ограничен лишь призывом к мусульманам приложить собственные усилия для укрепления религиозного и «национального» знания³⁸.

Огромное капиталовложение МНП в расширение школьной сети подверг-

ло установленную систему образования беспрецедентной трансформации. Предполагалось, что преобладание государственного финансирования позволит министерским чиновникам забрать педагогическое руководство из местного самоуправления. Однако уфимские земцы старались сохранить свою власть в сфере образования, в том числе в школьном образовании нерусского населения. Ввиду того, что земства разработали свой собственный подход к инородческому образованию, мусульманская интеллигенция также была вынуждена использовать другую тактику вместо требования параллельного сосуществования мектебов и школ, и равного финансирования и тех и других.

Министерство народного просвещения, земство, мусульмане Уфимской губернии

В 1900–1907 гг. разногласия между земствами и МНП по поводу перспективы всеобщего обучения и переустройства народной школы достигли своего пика. С одной стороны, МНП планировало ввести всеобщее обучение путем объединения всех начальных школ, кроме синодальных, под общим руководством и наблюдением. С другой стороны, в Государственной Думе МНП было обязано обещать ассигнования из его бюджета земствам, чтобы школы могли быть более доступны местному населению³⁹.

Закон от 3 мая 1908 г. о выделении из казны 6,9 млн руб. начальным школам послужил земствам первым серьезным стимулом. Для получения этой государственной поддержки земства должны были представить план реализации всеобщего обучения на 10 лет. С них требовалось поддержание существующих затрат на образование и облегчение бремени крестьянских общин для школьных учреждений. Кроме того, все школы должны были иметь высококвалифицированных педагогов и предоставить четырехлетнее обучение⁴⁰. Му-

сульмане были также заинтересованы освобождением от содержания школ; если они начинают ходить в новые государственные школы, то не будет необходимости прилагать усилия для поиска средств для мектебов. Но возможно ли от мектебов всецело отказаться? Это был главный вопрос в полемике «Мектеб или школа».

В Уфимской губернии вопрос о школьной сети для мусульманского населения рассматривался еще в 1908 г. До проведения губернского земского собрания в том году школьной комиссии при земской управе представил свой доклад юрист И.А.Ахтямов, чей отец стоял во главе Белебейской уездной земской управы (1881–1886). Он подчеркнул, что реализация всеобщего обучения, безусловно, требует включения в школьную сеть и мусульман. Он находил возможным осуществление всеобщего обучения в десятилетний срок для мусульманских мальчиков, если не для девочек. Стоит обратить внимание на тот факт, что Ахтямов считал необходимым выработать новый тип мусульманских школ, который будет давать знания как на родном языке, так и на русском. Для разработки программы новых школ он выдвинул идею о том, что земская управа должна созвать специальное совещание из преподавателей как земских и министерских школ, так и мектебов. Ахтямов также настаивал на необходимости открытия учительских школ в Уфе для мужчин и женщин. В своем докладе земскому собранию школьная комиссия добавила, что стипендия для учащихся в Казанской татарской учительской школе должна быть увеличена уездными и губернским земствами⁴¹.

Когда губернское земское собрание было созвано в 1908 г., губернская управа раскритиковала нежелание уездных управ включать мусульман в школьную сеть по причине нерасположения мусульман к земским и министерским школам. По утверждению губернской управы, тот факт, что мектебы и медресе управлялись самим народом и были

заполнены учениками, свидетельствует об их стремлении к грамотности и знаниям. Губернская управа признала, что мусульмане не видели никакой разницы между государственной русификаторской политикой и просветительской деятельностью земств. Принимая во внимание «прогресс татарского языка», губернская управа предположила, что и русский, и татарский языки равносильны по необходимости в школе. Присутствующие согласились с предложением Ахтямова об организации специального совещания для рассмотрения данного вопроса, что, как рассматривается нами ниже, будет реализовано в 1911 г.⁴²

Одним из преимуществ, на которое уфимские земцы полагались, было сотрудничество с мусульманской религиозной властью. Уфимский уезд, в котором 3/8 населения были татары и башкиры, располагал только пятью школами для них, в которых обучались лишь 1,3% всех детей школьного возраста. Согласно проекту школьной сети, уездное земство планировало построить 103 школы для мальчиков и 102 – для девочек. В 1909 г. земская управа запросила мнение ОМДС о степени готовности татаро-башкирского населения ко всеобщему обучению. В ответе Духовного собрания было отмечено, что мусульмане находились на том же уровне, что и русские, и выражалась уверенность в том, что все меры по развитию экономики и культуры повлияют на мусульман равным образом. ОМДС рекомендовало не игнорировать родной язык и религиозное образование для того, чтобы искоренить предрассудки мусульман относительно школ⁴³.

И уфимские земцы, и мусульмане не могли найти общие интересы в обучении учителей школ и мугаллимов. В связи с тем, что расширение сети всеобщего обучения потребовало высококвалифицированных учителей, недостаток квалифицированных мугаллимов, особенно учителей-женщин (*мугаллима*), остро ощущался в развивающихся новометодных мектебах. В обоих

случаях отсутствие официальных свидетельств у учителей послужило хорошим поводом для инспекторов МНП преследовать школы и мектебы. В 1872 г. в соответствии с «Правилами» 26 марта 1870 г. в Уфе была открыта татарская учительская школа. Однако школа была закрыта и переведена в Оренбург в 1876 г., и ее здание было передано киргизской (т.е. казахской) учительской школе в 1889 г.⁴⁴ В начале XX века существовали три учительские школы для мусульман: в Казани, в Симферополе для крымских татар и в Оренбурге для казахов. Губернское земство не отказалось от своих намерений вернуть татарскую учительскую школу в Уфу. С 1898 г., когда гласный Тевкелев впервые затронул этот вопрос, до 1912 г. земство ходатайствовало перед МНП шесть раз⁴⁵. Министерство в свою очередь порекомендовало совместное обучение мусульман с русскими, утверждая, что раздельное обучение вызывает серьезные опасения за «нежелательное национальное обособление, панисламистские и пантюркистские стремления»⁴⁶. Дело в том, что вопрос был частично решен уфимским земством в ином контексте. В 1916 г., в разгар мировой войны, оно ввело трехлетний педагогический курс для мусульманских учителей⁴⁷. Взяв этот пример соседней губернии за основу, оренбургские земцы разработали программу для педагогического курса, которая была одобрена руководством Оренбургского учебного округа в ноябре 1916 г. В особенности роль учительниц-женщин усилилась ввиду того, что учителя-мужчины были задействованы в войне⁴⁸.

Сами мусульмане также пытались использовать каждую возможность, чтобы получить официальное признание о необходимости учительских школ. Первая такая возможность появилась благодаря 25-й годовщине назначения муфтия Мухаммедьяра Султанова в 1911 г. 21 мая в Уфе состоялась масштабная конференция с разрешения губернатора. Присутствующие приняли решение открыть мужскую и

женскую учительские школы, которые будут названы в честь муфтия. Была создана специальная комиссия для подготовки уставов школ и были собраны пожертвования в размере 100 тысяч рублей⁴⁹. Другая возможность появилась в 1913 г., когда Государственная Дума одобрила введение 93 учительских семинарий в честь празднования 300-летия династии Романовых. Однако мусульманские думские депутаты не могли добиться квоты на мусульманские учительские школы, что подверглось резкой критике в мусульманской прессе⁵⁰.

С 23 по 25 мая 1911 г. по решению земского собрания 1908 г. Уфимская губернская управа провела совещание по поиску возможного типа новых мусульманских начальных школ. В списке участников значились 10 представителей земств, два чиновника МНП, 23 мугаллима и представителей мусульманской интеллигенции, в том числе депутатов Государственной Думы из Уфы и Казани. Решения совещания планировалось вынести на намеченный в августе того же года общеземский съезд по народному образованию. Совещание проходило на фоне принятого в феврале Государственной Думой законопроекта о всеобщем обучении; там в основе полемики о языке обучения в школе лежал конфликт между педагогическими потребностями и политическими расчетами⁵¹. Однако на общеземском съезде уфимский представитель объявил, что единственной целью инородческих школ должно стать просвещение, именно на этом настаивали мусульманские представители на уфимском совещании в мае⁵².

В ходе обсуждения на уфимском совещании между мусульманскими представителями и уфимскими земцами уже четко была видна формулировка вопроса «Мектеб или школа». Чарльз Стайнвелл подчеркивает, что уфимские мусульмане и земцы занимали общую позицию, отличавшуюся от доводов казанских мусульман; уфимские представители высказывались за новые школы

с родным языком, а казанские мусульмане же настаивали на сохранении религиозности как в старых, так и в новометодных мектебах⁵³. Особое внимание Steinwedel обращает на организацию школьного образования по «этническому» принципу, этим были заинтересованы уфимские мусульмане и земцы. Как показано выше, казанские и уфимские земства работали при различных обстоятельствах. Однако протокол совещания позволяет нам выделить общую позицию мусульман: уфимские и казанские мусульмане пытались ввести новометодные мектебы в рамки будущей школьной системы, и при этом подразумевалось, что старометодные мектебы прекратят свое существование. Более того, они знали, что программа новометодных мектебов приближается к программе общеобразовательных школ. Однако по поводу будущего новометодных мектебов среди мусульман возникло разногласие: одни мусульмане предсказывали вытеснение этих мектебов новыми земскими школами, а другие предполагали, что существующие мектебы будут поддержаны земствами. Присутствующие⁵⁴ согласились, что введение мектебов в школьную сеть возможно, если они примут программу нового типа начальных школ, которая будет разработана губернским земством. Однако П.Ф.Коропачинский, председатель губернской земской управы, указал, что МНП не могло согласиться с введением мектебов в школьную сеть из-за их «конфессионального оттенка». Когда мусульмане попросили субсидирования мектебов до момента реализации всеобщего обучения, земцы указали на принцип расходования средств лишь «общим светским школам», согласно которому не только мектебы, но и церковно-приходские школы не имели права на субсидирование⁵⁵.

Для изучения степени приобретения мектебами «структуры светской начальной школы» уфимским губернским земством было проведено в 1912–1913 гг. статистическое исследование. С

этой целью в мае 1912 г. была создана особая комиссия, которая состояла из 10 мусульман и 4 членов земской управы. В ноябре бланки со 115 вопросами, написанными на «татарском», были разосланы 2144 имамам Уфимской губернии. При этом ОМДС тоже оказало содействие в виде предоставления адресов имамов и резолюции о согласии муфтия на проведение исследования⁵⁶. Организатор получил 1579 ответов. В то же время статистическое исследование предприняло и Мензелинское уездное земство, уже активно поддерживающее мектебы и медресе⁵⁷. Статистика показала тенденцию мектебов к «секуляризации» в отношении образовательной программы: исключительно конфессиональные школы составили 18,1% из всех рассмотренных школ; 28,7% были отмечены как «переходный» тип мектебов, которые обучали либо родному языку, либо одному общеобразовательному предмету; 39,2% мектебов обучали арифметике вместе с исламом и родным языком; 14% мектебов давали начальные знания по таким дисциплинам, как история, география, естественные науки⁵⁸. Составитель итогового доклада был убежден, что помощь местного самоуправления могла ускорить переход мектебов в начальные светские школы, а также что светские и хорошо организованные мектебы смогут служить средством культурного развития и могут войти в общую губернскую школьную сеть на одинаковых правах с русскими начальными школами⁵⁹.

Однако чиновники МНП боялись, что земства могут подорвать педагогическое превосходство МНП над народными школами. Закон от 3 мая 1908 г., обещавший увеличение капиталовложений во всеобщее обучение, усугубил традиционное столкновение за распределение полномочий между министерством и земствами⁶⁰. Министр народного просвещения Л.А.Кассо пытался полностью подчинить земскую школу училищной инспекции. В действительности же, так как земства имели свои собственные финансовые ресурсы, ми-

нистерству было много труднее увеличить число инспекторов, чем земствам — количество школ⁶¹.

В 1912 г., когда был организован съезд директоров и инспекторов народных училищ Оренбургского учебного округа, совещание Уфимской губернской земской управы 1911 г. было обвинено в нарушении закона. Особое внимание было уделено земской образовательной программе относительно языков и религиозных дисциплин для нового типа мусульманских школ; на уфимском совещании было признано, что обучение должно вестись на родном языке в течение всего четырехлетнего срока школьного образования, а также что изучение русского языка должно начинаться со второй половины первого года обучения. Губернская земская управа решила даже доверить разработку религиозных дисциплин Духовному собранию⁶². Съезд принял решение, что сфера полномочий местного самоуправления должна быть строго ограничена в вопросе финансовой сферы школ⁶³. Более того, попечитель учебного округа В.Н. Владимиров объявил, что «слияние с русскими» должно быть целью инородческих школ. Как министр учебной части, приехавший в 1910 г. из Вильны в Оренбург, исходя из собственного опыта «борьбы с католиками» в Виленском учебном округе⁶⁴, он полагал, что изучение русского языка через татарский язык служило своего рода стимулом к «татаризации» русско-башкирских школ. В целом присутствующие раскритиковали систему Ильминского: отвергая «миссионерские» цели школ и чрезмерное использование родного языка, они отдавали приоритет изучению русского языка и усвоению «русской гражданственности»⁶⁵. Съезд принял решение о том, что нерусские группы населения должны будут обучаться вместе с русскими в нерусских школах⁶⁶ с четырехлетним курсом обучения и начинать урок русского разговорного языка с самого начала поступления, а русской грамоты — спустя два-три месяца⁶⁷.

Бен Эклоф в свое время пересматривал установившуюся в тогдашней историографии схему «перетягивания каната между доброжелательным земством и обскурантистским правительством», делая акцент на форме совместного усилия правительства и земств по вопросу введения школьной сети. Он отмечает, что значительное субсидирование МНП в пользу начальных школ смягчило разграничение их компетенций после 1908 г.⁶⁸. Однако нельзя не сказать, что у Эклофа заметна тенденция недооценки спорных аспектов в отношениях между земствами и МНП. Конфликт между Уфимским губернским земством и местными чиновниками учебного ведомства демонстрирует, что МНП признавало финансовый вклад земств в строительство школ, тогда как оно пыталось вытеснить их из педагогической сферы нерусского школьного образования. МНП и уфимское земство соревновались друг с другом не только за приобретение контроля над школами в целом, но и над идеалом и программой нерусского образования в частности.

Участие земств в мусульманском образовании активизировалось на Южном Урале с введением в 1913 г. земских учреждений в Оренбургской губернии. Естественно, опыт уфимских земцев послужил оптимальным примером. Более того, начало войны в 1914 г. представляло собой ключевой момент перемены. Любознательность крестьян к любого рода информации о войне послужила толчком к пробуждению среди них интереса к грамотности и образованию и тем самым предоставила работникам народного просвещения уникальную возможность воспитания гражданственности⁶⁹. К концу 1914 г. Ибрагим Бикчентаев был назначен заведующим инородческим образованием при Оренбургской губернской земской управе. Особенно плодотворным для мусульманского образования стал 1915 г. Бикчентаев разработал четырехлетнюю образовательную программу для мектебов. В случае,

если мектебы принимают эту программу, то они могут получать земское пособие. Программа была разослана не только в уездные земства Оренбургской губернии, но и в ОмДС, а также во влиятельную местную газету «Вақыт» для представления программы мусульманской общественности. Бикчентаев участвовал в совещании, которое проводилось по инициативе Уфимского губернского земства для изучения учебников для русско-татарских школ и мектебов. В 1915 г. Оренбургское земство так же, как Уфимское в 1912–1913 гг., провело статистическое исследование мектебов в губернии. Шесть районных библиотек с тремя подрайонными при каждой было открыто для мусульман. Уездные земства установили размер субсидирования мусульманским школам: Оренбургским уездным собранием ассигновано 7000 рублей, Орским – 15000 рублей, Челябинским – 200 рублей за школу, Верхнеуральско-Троицким – 140 рублей за школу. Процедура получения этого земского субсидирования была показана мусульманской общественности на страницах газеты «Вақыт»⁷⁰.

Различия в подходах к нерусскому начальному образованию между МНП и Уфимским земством стали очевидными: в то время как министерство было нацелено на слияние инородцев с русскими через русский язык, земство было занято просвещением с помощью их родного языка. Однако основным общим принципом министерства и земства в деле народного образования являлся «секуляризм». Следовательно, процесс секуляризации повлиял и на церковно-приходские школы, с которыми мусульмане хотели уравнивать свои мектебы⁷¹. Уфимское губернское земство отклонило эгалитарные требования мусульманской интеллигенции по поводу субсидирования, и министерские чиновники отказались от миссионерских задач школ. Тем не менее, в то время как реформаторы Государственной Думы из числа земских деятелей разработали законопро-

ект о всеобщем обучении, подразумевающий включение церковных школ в единую школьную сеть, он был отклонен Государственным советом, не допустившим возможности лишить Россию церковных школ и самостоятельного церковно-учебного ведомства⁷².

Такое жесткое разграничение между конфессиональными и светскими школами было применено правительством и в отношении мусульманских школ. На Особом совещании по мусульманскому вопросу, проведенном в 1910 г. по инициативе МВД, было принято решение, что программа мектебов должна быть строго ограничена религиозными дисциплинами⁷³. Пока данная школьная политика продолжалась, мусульмане были вынуждены придерживаться позиции параллельного существования новометодных мектебов как частных школ наряду с государственными. Однако, когда уфимские и оренбургские земства проявляли свой горячий интерес к новометодным мектебам, то начались переговоры между земцами и мусульманами для поиска возможности введения этих мектебов в школьную сеть всеобщего обучения и создания «третьего типа» мусульманских школ.

Мектеб или школа?

Закон от 3 мая 1908 г., а также дальнейшие расходы МНП и земств на всеобщее начальное образование заставили мусульманскую интеллигенцию, мугаллимов в особенности, задуматься над вопросом о согласовании гражданственности (*Русия граждандлыгы*) и национальности (*миллият*). С одной стороны, введение стандартных начальных школ обещало освобождение мусульманских приходов от бремени содержания мектебов. Государственные школы будут обучать мусульманских детей русскому языку и другим знаниям, необходимым для гражданской жизни. С другой стороны, интеллигенты стремились найти способ обеспечения родного языка и ислама в учебном плане. Иначе они сами потеряли бы свою роль

в «национальном» образовании в будущем. Одни ожидали вхождения мектебов в школьную сеть, а другие же считали, что школа должна находиться в соответствии с национальным духом (*милли рух*). Ход полемики «Мектеб или школа» зависел от развития конкретных местных обстоятельств, при которых шел диалог мусульман с земствами.

Полемика по будущему школьному образованию для мусульман началась на страницах казанского журнала «Мектеб» в 1913 г. Этот журнал представлял мнения светской интеллигенции, мугаллимов в частности, подразумевающих под словом «миллят» более татарскую нацию, чем мусульманское сообщество. Первым оратором был Фуат Туктаров, который окончил Казанскую татарскую учительскую школу и затем стал одним из лидеров социалистической группы «Тангчылар» во время революции 1905 г. Он сформулировал вопрос: какие будут отношения между государственными школами и мектебами в результате распространения школ в каждой татарской деревне и «универсализации» начального образования? Он высказался за параллельное существование и тех, и других: несмотря на преследование новометодных мектебов, правительство не начинало нападки против самого татарского и мусульманского бытия; правительство должно остановить преследование мектебов и медресе, являющихся «историческими институтами, которые служили источниками религиозного и национального духа»⁷⁴.

Ф.Туктаров видел способ сохранения мектебов в законопроекте о начальных школах, который Государственный Совет утвердил 21 мая 1913 г. Согласно закону, решение о языке обучения следовало доверять каждой отдельной частной школе с тем, чтобы русский язык, литература, история и география велись на русском языке. Однако, что же касается школ, открытых и поддерживаемых местным самоуправлением, то все предметы кроме родного языка и религии должны были вестись на рус-

ском языке; при этом на уроках русского языка объяснение материала на родном языке разрешалось только в первый год обучения. Ф.Туктаров настаивал, чтобы мектебы обязательно считались частными школами, ввиду того, что они в данный момент не получали поддержки ни со стороны государства, ни со стороны местного самоуправления⁷⁵. Для обеспечения средств на реформирование новометодных школ он предупреждал о необходимости прекращения ненужных делений махаллы. Он подчеркнул, что развитие мектебов тормозят конфликты по поводу перераспределения капитала махаллы между муллами и мугаллимами. Хотя он обращал внимание на тот факт, что уфимские земства выделяют субсидирование мектебам в ответ на прошения мусульман, однако он жаловался, что малочисленность гласных-татар среди земцев ограничивает доверие земствам со стороны населения⁷⁶.

Противоположный аргумент был прислан в «Мектеб» из Томска, где массовая русская иммиграция привела мусульман к печальной экономической ситуации⁷⁷. Мугаллим Ибрагим Биккулов подчеркнул, что новометодные мектебы в Сибири готовы уступить дорогу русско-мусульманским школам, которые больше соответствуют потребностям повседневной жизни. Намекая на критику такой идеи, как «мектебы как источники религиозного и национального духа», он заявлял, что джадидистская реформа потеряла свой смысл в приспособлении мектебов к реальной жизни (*тормыш*), т.к. она посвящала себя только религии (*дин*). В надежде на то, что введение земской системы в Сибири поощрит строительство школы, Биккулов ожидал, что мусульмане будут стремиться к внедрению «национального духа» в земские школы⁷⁸. В Томске вопрос капиталовложения в мусульманскую модернизированную систему образования был связан с судьбой городской думы. По этой причине муниципальные выборы вызвали огромный интерес со сто-

роны мусульманского населения. Более того, образовательная и культурная деятельность городской думы, русских регионалистов и народников начиная с 1880 г. обеспечивала мусульман примерами привлечения общественных ресурсов⁷⁹. Таким образом, мугаллим Ибрагим Биккулов мог похвастаться тем, что «более высокий уровень жизни» сибирских мусульман позволяет им заметить кризис джадидистских школ раньше, чем другие мусульмане внутренней России.

Такое мнение, естественно, вызвало бурный резонанс в среде казанских татар⁸⁰. Однако, вставая на защиту новометодных мектебов, они могли только взывать к здравому смыслу людей и любви к нации, таким образом, ожидая усиления частной поддержки и субсидирования со стороны мусульманских благотворительных обществ⁸¹. Упрямство казанских татар с позицией параллельного существования мектебов и школ можно объяснить неудачей в переговорах с местными земцами. В январе 1911 г. Казанская уездная земская управа пригласила татарских представителей (мулл, редакторов газет, учителей, купцов) на совещание по вопросам начального народного образования татар-мусульман, чтобы «ослабить недоверие в населении к русско-татарским училищам». В отличие от Уфимского губернского земства, создавшего в том же году совещание по поиску возможного типа новых мусульманских школ, Казанское уездное земство стремилось строго соблюдать принцип Правил от 1 ноября 1907 г. о начальных училищах для иногородцев; обучение должно вестись на родном языке первые два года, затем переключаться на русский язык в последующие два года. Земство и мусульманские представители могли лишь соглашаться с пропагандой о необходимости русско-татарских школ «фанатическому» мусульманскому населению⁸².

В Оренбургской губернии, где земства были введены только в 1913 г., на страницах местного журнала «Мугаллим» появились колеблющиеся взгля-

ды. Нургали Надиев предложил новый тип частных или земских школ, в которых мусульмане сами могли бы участвовать в заведовании. Он заявил, что финансовый недостаток, а также неприспособленность к потребностям времени не сделают новометодные мектебы конкурентоспособными «в мире, где сильные охотятся на слабых». Для того, чтобы школы могли соответствовать интересам мусульман, он выдвинул идею об открытии курсов по повышению квалификации мугаллимов как школьных учителей, а школьных учителей как сведущих в родном языке учеников и исламе; о необходимости мусульман, так же, как и земств, оказывать поддержку школьным учителям родного языка и религии; об участии мусульман в попечительском совете школ в качестве его членов⁸³. С одной стороны, редактор журнала «Мугаллим» также признавал, что родители сами выбирают школы, чтобы их дети имели возможность изучать русский язык. С другой стороны, он опасался, что будет невозможно защитить национальный язык и дух в этих школах, где обучение на родном языке позволяет только первые два года. Он настаивал на сохранении мектебов в качестве частных школ под компетенцией МНП с введением уроков русского языка в соответствии с государственной программой всеобщего обязательного обучения (*гомуми маэжбури уку*)⁸⁴. Однако он умолчал о том, как обеспечить финансирование.

В газете «Вақыт» полемика «Мектеб или школа» отразила разные роли светской интеллигенции (*диялилар*) и духовенства (*руханилар*) в мусульманском обществе. Рассматривая аргументы в журналах «Мектеб» и «Мугаллим», Дж. Валиди, мугаллим известной новометодной медресе «Хусаиния» в Оренбурге, высказывался за развитие новометодных мектебов. В своей брошюре, выдвинувшей мысль по новому понятию «нация (*миллят*)», Валиди видел в появлении джадидистских школ пробуждение татарской национальной

идентичности: по его словам, именно джадидистское движение «ввело татар в национальную историю»⁸⁵. С одной стороны, он признал, что усилия по трансформации школ в соответствии с национальными интересами являются «национальным долгом» и мусульмане должны пользоваться всеобщим обучением, будучи гражданами России. С другой стороны, он настаивал на том, чтобы «покоренная» нация была вовлечена в интеллектуальный и культурный прогресс посредством «их собственных национальных сил». В качестве решения он предлагал увеличить число мусульманских благотворительных обществ⁸⁶.

В то время как Дж. Валиди, светский интеллигент, верил в задачи новометодных мектебов как источников национального духа, местный религиозный глава (*ахунд*) города Кунгур Пермской губернии Загидулла Гибадуллин полагал, что роль духовенства остается в конфессиональном образовании средних мектебов (*рушди*), но предвидел замену начальных мектебов (*ибтидаи*) школами. В действительности, в Кунгурском уезде русско-татарские школы привлекали больше учеников, чем в других уездах⁸⁷. Ахун также отметил, что ученики мектебов больше тянутся к школам. По его мнению, обязательное изучение русского языка в начальной школе лишит мектебов своей основной деятельности. Он подчеркнул, что необходимы усилия для того, чтобы мугаллимы занимались своей деятельностью по защите ислама и родного языка и в школах. Он надеялся, что если разрешат два года дополнительного изучения религии, то это удовлетворит желания тех, кто хочет изучать ислам более подробно⁸⁸. Таким образом, в то время как светские интеллигенты старались сохранить свою роль в «национальном» образовании, прибегая к риторике национализма, религиозные лидеры более трезво оценивали свои роли в будущей системе образования.

Две статьи из уфимской газеты «Тормыш» демонстрируют тактику «двой-

ного стандарта» у местных мусульманских интеллигентов. Оба автора присутствовали на совещании, проведенном по инициативе Уфимского губернского земства в мае 1911 г. Во время переговоров с земством они охотно принимали участие в разработке нового типа школ, при этом указывая на исчезновение мектебов в будущем. Однако на страницах мусульманской газеты они настаивали на том, что мектебы должны существовать, делая упор на их функцию воспитания «национального» духа. Селимгерей Джантурин, депутат I Государственной Думы, окончивший Оренбургскую гимназию и Московский университет, высказывался за включение мектебов в школьную сеть всеобщего обучения. Критикуя кунгурского ахуна Гибадуллина, он заявил, что мектебы способствуют воспитанию в детях чувства любви к своей нации, а школы же находятся под контролем чиновников МНП, которым были чужды «национальный дух и потребности». Он признавал тот факт, что мектебы сегодня лишены финансовой поддержки со стороны правительства и земств из-за своего «конфессионального» характера. Однако он подчеркнул, что ничего не препятствует приближению образовательной программы мектебов к программе школ. В качестве доказательства он ссылается на решение созданного лично муфтием Султановым совещания духовных лиц в декабре 1913 г., где приглашенные ученые пришли к выводу, что религиозные и общеобразовательные предметы совместимы⁸⁹. Он считал, что исчезновение различий между мектебами и школами даст право мектебам войти в школьную сеть⁹⁰.

В газете «Тормыш» параллельного существования мектебов и школ придерживался и Шарафутдин Махмудов, депутат III Государственной Думы из Стерлитамака, который во время переговоров с земцами в 1911 г. даже предсказал полное вытеснение мектебов новыми земскими школами⁹¹. Он жаловался кунгурскому ахуну Гибадуллину, что средние мектебы не могут суще-

ствовать без начальных мектебов, потому что начальный мектеб является «матерью» среднему мектебу. Махмудов сомневался, смогут ли те, кто обучается в государственных школах, учить родной язык и ислам в будущем, ведь государственные школы не могут воспитать национальный дух, имея перед собой цель слияния народов России. Упомянув недостаток законного основания для субсидирования со стороны местного самоуправления, он подчеркивал необходимость поддержки «национальных образовательных учреждений» самими мусульманами⁹². Точку зрения, изложенную Ш.Махмудовым, можно объяснить положением Стерлитамака как одного из исторических центров исламского образования, где он сам работал мугаллимом. Здесь религиозные учреждения могли полагаться на прибыль благочестивых пожертвований (*аукаф*: множественное число *вакф*). Махмудов курировал распределения благочестивых пожертвований в первой махалле города⁹³.

Атмосфера полемики «Мектеб или школа» изменилась после того, как субсидирование мектебам стали выделять Оренбургские земства⁹⁴. Аргументы в газете «Вақыт» стали концентрироваться на методе преобразования существующих мектебов и земских школ посредством сотрудничества с земствами. В апреле 1915 г. в Оренбургской губернской земской управе было проведено совещание по народному образованию. Заведующий инородческим образованием Ибрагим Бикчентаев полагал, что включение мектебов в школьную сеть возможно. Ссылаясь на полемику «Мектеб или школа», он подчеркивал, что мектебы могут стать такими же хорошо организованными школами, как школы русские. Однако земство считало само собой разумеющимся вытеснение мектебов земскими школами. Они дали свое согласие лишь на временное субсидирование мектебов до завершения формирования школьной сети. Затем Бикчентаев представил четырехлетнюю образовательную про-

грамму для мектебов как условие получения субсидий, которая была одобрена губернским земским собранием⁹⁵. В газете «Вақыт» появилась статья имама первой махаллы Каргалы вблизи Оренбурга Хайруллы аль-Усмани под названием «Решение вопроса «Мектеб или школа»». Дело в том, что в Каргалы Упрощенное городское управление уже 15 мая 1914 г. приняло решение сообщить Оренбургской уездной земской управе о числе детей школьного возраста для включения в общую школьную сеть и финансовый план земской управы⁹⁶. Аль-Усмани тоже признал включение мектебов в школьную сеть необходимым. Для обеспечения детей достойным знанием русского языка каргалинский имам предлагает принятие образовательной программы Бикчентаева и тем самым получение мектебам земских пособий. Как и кунгурский ахун Гибадуллин, аль-Усмани полагал, что мусульманское общество должно самостоятельно поддерживать средние (*рушди*) и подготовительные (*игдади*) курсы для продолжения высшего религиозного образования в медресе⁹⁷.

Таблица 1

Число уроков на неделю в учебной программе Ибрагима Бикчентаева⁹⁸

Предметы	1-й класс	2-й класс	3-й класс	4-й класс
Вероучение	2	4	6	4
Родной язык	12	8	6	3
Арифметика	4	4	4	4
История			1	2
География		1	1	2
Русский язык	6	10	10	10
Пение		1	1	1
Гигиена			1	1
Природоведение		2	2	2

Следует изучить содержание исламской составляющей в программе Бикчентаева. Для удовлетворения требования Оренбургского земства относительно русского языка и других общеобразовательных предметов Бикчентаеву пришлось выбрать элементы ислам-

ского знания, которые должны оставить будущим мектебам. Адиб Халид обнаруживает тот же акт отбора в образовательной программе джаидов Средней Азии, называя это «десакрализацией» отброшенных в результате этого отбора элементов исламского знания. Новые интеллигенты тем самым бросали вызов власти той элиты, защищающей установленную целостность системы исламского знания⁹⁹. Примечательно то, что зафиксирование минимального объема исламского знания произошло при переговорах Бикчентаева с Оренбургским земством. Многие составляющие учебной программы джаидов Средней Азии и учебной программы Бикчентаева были общими: чтение Корана, этика и священная история. Как утверждает Халид, подразумеваемая идея в программах Бикчентаева и джаидов Средней Азии состояла в том, что «настоящее знание» заключалось в первоначальных священных писаниях, т.е. Коране и хадисах (высказываниях Пророка). Согласно Бикчентаеву, изучение Корана должно продолжаться в течение всех четырех лет обучения; ученики первого класса должны изучать значимость единства Бога (*таухид*), а также вероисповедание (*шахада*); во втором классе требуются знания догматов шести верований ислама и способа молитвы; в третьем классе ученики должны знать все правила по пяти столпам ислама; четвертый класс дает им знания о клятвах, браке, разводе, жилищном наеме, делении имущества, подаянии и т.д. из книг шариата.

Когда Уфимское и Оренбургское губернские земства планировали проведение совместного совещания по вопросам мусульманского образования осенью 1916 г.¹⁰⁰, оренбургская газета «Вақыт» посвятила свои страницы адресованным от читателей будущему совещанию предложениям. Один из мугаллимов г. Троицка Абдуллах Азиз рассказывал, что городские мусульмане пытались создать общеобразовательную программу мектебов после Революции 1905 г., однако они не смог-

ли эффективно реализовать этот план из-за отсутствия управляющей этим процессом организации. Этот мугаллим предложил преобразование мектебов для того, чтобы они соответствовали «национальным потребностям и интересам» под заведованием земств. Он формирует идеал роли реформированных мектебов: «как подданные великой России и свободные граждане великого Российского государства, пусть наши дети будут Россию любить, ... Тем не менее, будучи детьми великой мусульманской нации, живущей в России, пусть они будут воодушевлены национальным духом». Абдуллах Азиз показал программу, разработанную мугаллимами Троицка в 1915 г. В отличие от четырехлетнего обучения в школах здесь планировался шестилетний срок обучения в мектебах. Согласно программе, все шестилетнее обучение должно вестись на родном языке; помимо ислама и родного языка должны преподаваться и арифметика, и естественные науки; обучение русскому языку должно начинаться с четвертого года. Правда, некоторые мугаллимы выдвигали идею превращения начальных мектебов в подготовительные учреждения для государственных средних школ. Однако Абдуллах Азиз их не поддержал, утверждая, что такие учреждения не могут иметь срок обучения больше пяти лет и что национальное воспитание (*милли тарбия*) будет принесено в жертву ради изучения русского языка. Он напомнил, что обучение большинства крестьян заканчивается на уровне начальных мектебов¹⁰¹ (табл. 2).

Руководители по образованию нерусского населения при Уфимской и Оренбургской земских управах дали согласие на разработку «третьего типа» мусульманских школ. Уфимский шеф Гумер Телегулов, закончивший Казанскую татарскую учительскую школу и назначенный на эту должность в 1913 г., заявил, что, начиная с Правил 26 марта 1870 г., законы по образованию инородцев и действующие по ним русско-инородческие школы пре-

Учебная программа, разработанная мугаллимами г. Троицка в 1915 г. (единица – час)

Предметы	1-й класс	2-й класс	3-й класс	4-й класс	5-й класс	6-й класс
Родной язык	12*	12	10	6	5	5
Арифметика	6	6	6	4	5	5
Вероучение		6	6	5	4	4
Естествознание**			2	2	2	2
Русский язык				10	12	12

* В первом классе в уроки родного языка входит вероучение.

** Сюда включаются и география, и физика.

следуют цель не просвещения народов, а их русификации. В то же время он считает неудовлетворительной и степень преобразования мектебов в начальные школы, вопреки усилиям джадидов начиная с 1880-х гг. В результате ученикам мектебов приходится ходить и в школы для изучения русского языка. Телегулов предполагает, что начальное образование мусульман может быть рационально поставлено только при существовании единой общеобразовательной начальной школы, организованной соответственно интересам и духу мусульман¹⁰².

Оренбургский шеф по инородческому образованию Бикчентаев в свою очередь сформулировал в газете «Вакыт» девять вопросов относительно идеального третьего типа мусульманских школ¹⁰³. Ответы были даны мугаллимами¹⁰⁴: новая мусульманская школа должна иметь шестилетний срок обучения; первые три года обучение должно вестись на родном языке; изучение русского языка должно начинаться с четвертого года; объем знаний русского языка должен соответствовать уровню знаний, получаемых в четырехлетней начальной школе; на пятом и шестом году обучения лекции по математике и российской географии и истории должны читаться на русском языке; родной язык как учебный предмет должен изучаться на протяжении последних трех лет обучения, кроме того, другие предметы должны вестись на родном языке. Некоторые также предлагали включить арабский язык в учеб-

ную программу, считая, что он является необходимой составляющей «национальной литературы». Таким образом, предлагалось изучать арабский язык два часа в неделю на последнем году обучения. Когда речь идет о педагогическом и экономическом заведовании, то мало кто высказывался за подчинение новых школ ОМДС или существующей инспекции со стороны МНП и училищных советов. Одни предполагали, что попечительские советы должны работать посредниками между местным самоуправлением и училищными советами, а другие предлагали создать комиссию при земстве, состоящую из попечителей, мугаллимов, школьных учителей и имамов из приходов, для того, чтобы ее решения реализовывались с содействием земской управы.

Рассмотрев предложенные мугаллимами мнения, летом 1916 г. Бикчентаев представил доклад губернскому совещанию по образованию инородцев. Одобрив его доклад, совещание решило, что новые шестилетние мусульманские школы должны входить в школьную сеть и содержаться на средства казны и местного самоуправления; заведование этими школами как по хозяйственной части, так и по учебно-воспитательной должно находиться в руках самих мусульман; ожидалось, что все существующие министерские и земские школы для мусульман будут постепенно преобразовываться в проектируемые шестилетние школы¹⁰⁵.

Соглашение мугаллимов с земствами о совместном заведовании новыми

школами отражает изменения не только их отношения к местному самоуправлению, но и их представления о самом понятии «нация». Раньше мусульманская интеллигенция настаивала на переводе контроля мектебов и медресе с МНП к Духовному собранию, видя в последнем единственный орган, защищающий «национальные» интересы¹⁰⁶. Однако переговоры мусульманской интеллигенции с земствами дали ей возможность пересмотреть такую изолированную тактику, как «параллелизм» (сосуществование мектебов с русскими школами) и «эгалитаризм» (равная финансовая поддержка русских школ и мектебов), для сохранения «национального духа». Под нажимом распространения всеобщего обучения мусульманской интеллигенции приходилось переоценивать то, что заключается в исламской и национальной составляющих в начальных училищах.

Заключение

Введение всеобщего обучения побудило правительство и волго-уральских мусульман определить то, в чем состоит идеал «русской гражданственности». После Революции 1905 г., для укрепления своей пошатнувшейся власти, правительство взялось за политику, разделяющую верных и неблагонадежных граждан и опирающуюся на первых как на фундамент царизма. А для мусульман революция служила толчком, заставившим их рассмотреть существующие отношения с государством и, следовательно, начать перестройку своих общин посредством переговоров с властями разных уровней. Стратегия в кругах городской интеллигенции отличалась от стратегии приходских людей. Молодыми интеллигентами, определяющими себя как представителей «нации (*миллят*)», были разработаны различные проекты для мобилизации людей на общую цель ее продвижения. В то же время они пытались согласовать свою национальную идею с русской

гражданственностью. Однако их риторика параллельного существования мусульманских с русскими учебными заведениями и равноправия между ними служила для правительства поводом подозрения этих новых интеллигентов в политической неблагонадежности, а также уменьшала диапазон переговоров с земствами. Как и показывалось в полемике «Мектеб или школа», в то время как светская интеллигенция пыталась не упустить свой рычаг в области национального начального образования, религиозные лидеры махаллы допускали свой возможный уход из сферы начального образования. Прихожане в свою очередь развивали общинную политику, к которой со своими собственными намерениями примыкали и государственные учреждения: люди хотели привлечь земские школы, что облегчило бы управление махаллой, кроме того, они могли сохранить исламский порядок с помощью полицейской силы. Хотя часто случались противоречия интересов внутри общины, но жизнь махаллы представляла собой уникальное политическое пространство, противопоставленное узкому пониманию «национальных» интересов среди мусульманской интеллигенции.

Существовавшим до 1905 г. разногласием о сущности обрусения являлось то, как тот или иной инородец мог стать русским: через поглощение русского языка или же через принятие русской православной духовной культуры?¹⁰⁷ Когда Н.И. Ильминский нацелился на внедрение христианского духа среди крещеных татар и язычников через их родные языки, то МНП, согласно «Правилам» 26 марта 1870 г., акцентировало свое внимание на распространении среди мусульман русского языка посредством русско-татарских (или башкирских) школ или русских классов при конфессиональных школах. Иначе говоря, правительство пока признавало различные и смешанные пути к достижению обрусения инородцев.

Однако именно благодаря этой государственной политике появилась ев-

ропеизированная нерусская интеллигенция, что вынудило многих русификаторов задуматься и принять более строгие языковые и политические меры. Им казалось, что время религии как эффективного инструмента интеграции империи прошло после провозглашения веротерпимости и свободы совести в 1905 г.¹⁰⁸ Правительство стремилось дать исключительную прерогативу воспитания «русской гражданственности» государственным школам, отвергая собственно мусульманские усилия реформировать мектебы и даже отказываясь от русских классов при мектебах и медресе. В итоге получилось, что чиновники МНП вынуждали мусульман отвернуться от «русской гражданственности» и защищать свою «замкнутую» стратегию в отношении к властям.

В этом плане нужно принимать в особое внимание активность уфимских земств, признавших потенциал мектебов в просвещении мусульманского населения и старавшихся спасти мектебы от отчуждения государственной образовательной политики. С одной стороны, МНП и Уфимское губернское земство могли разделить между собой общий принцип секуляризации школьного образования. С другой стороны, соперничество между земствами и МНП в области начального образования инородцев было обнаружено в том, что Уфимское земство рассматривало родные языки как средства просвещения, а местные чиновники МНП видели успешность слияния инородцев с русскими в распространении русского языка. Последние считали, что преобладание государственных расходов на начальные

школы преодолеет разногласие с земцами в пользу МНП. Однако Уфимское земство смогло успешно работать вместе с мусульманской интеллигенцией над проектом просвещения и сохранять влияние в среде мусульманского населения не только в пределах губернии, но и за ее пределами.

Степень и образ сотрудничества между мусульманской интеллигенцией и земствами отчетливо отражались в полемике «Мектеб или школа». Во время Первой мировой войны резко усилился интерес людей к любого рода связанной с войной информации, в частности и тем самым к системе образования в целом. Именно тогда же на Южном Урале были разработаны две основные модели мусульманской школьной системы: некоторые мусульмане и земские представители утверждали о возможности включения новометодных мектебов в школьную сеть всеобщего обучения в случае принятия ими образовательной программы, рекомендованной Уфимским и Оренбургским земствами, а другие же пытались создать новый тип мусульманских школ. В том и другом случаях обсуждаемыми вопросами являлись соотношение родного и русского языков, религии и общеобразовательных предметов, а также степень участия земств и мусульман в заведовании школами и мектебами. Этот процесс переговоров способствовал переоценке «исламской» и «национальной» составляющих во всеобщем образовании. Таким образом, здесь мы видим конкретные усилия мусульман и земств для нахождения нового способа согласования русской гражданственности и национальности¹⁰⁹.

Сокращения

ГАОО – Государственный архив Оренбургской области

МВД – Министерство внутренних дел

МНП – Министерство народного просвещения

НА РТ – Национальный архив Республики Татарстан

ОМДС – Оренбургское магометанское духовное собрание

ЦГИА РБ – Центральный государственный исторический архив Республики Башкортостан

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Махмутова А.Х.* Становление светского образования у татар: борьба вокруг школьного вопроса, 1861–1917. Казань, 1982; *Фархиаатов М.Н.* Народное образование в Башкирии в пореформенный период. 60–90-е гг. XIX в. М., 1994; *Его же.* Самодержавие и традиционные школы башкир и татар в начале XX века, 1900–1917 гг. Уфа, 2000; Wayne Dowler, *Classroom and Empire: The Politics of Schooling Russia's Eastern Nationalities* (Montreal: McGill-Queen's University Press, 2001).

² Charles Steinwedel, "Invisible Threads of Empire: State, Religion, and Ethnicity in Tsarist Bashkiria, 1773–1917" (PhD diss., Columbia University, 1999).

³ Как ценное исключение, см. *Салихов Р.Р.* Татарская буржуазия Казани и национальные реформы второй половины XIX – начала XX в. Казань, 2001.

⁴ *Азаматова Г.Б.* Деятельность Уфимского земства в области народного образования 1874–1917: Дис... канд. ист. наук. Уфа, 2000; *Железнякова Ю.Е.* Земская школа Казанской губернии 1865–1917 гг.: Дис... канд. ист. наук. Казань, 2002.

⁵ Фонетический метод являлся «передовым» как в земских школах, так и в джадидистских. Это вызывало протест со стороны русских крестьян, которые были обучены грамоте на основе старого метода (*Железнякова Ю.Е.* Указ. соч., с.53, 106).

⁶ Jeffery Brooks, «The Zemstvo and the Education of the People», in Terence Emmons and Wayne S. Vucinich, eds., *The Zemstvo in Russia: An Experiment in Local Self-government* (Cambridge: Cambridge University Press, 1982), 268; Dowler, *Classroom and Empire*, 210.

⁷ Scott J. Seregny, «Zemstvos, Peasants, and Citizenship: The Russian Adult Education Movement and World War I», *Slavic Review* 59, no. 2 (2000), 292.

⁸ Ben Eklof, *Russian Peasant Schools: Officialdom, Village Culture, and Popular Pedagogy, 1861–1914* (Berkeley: University of California Press, 1986), 58.

⁹ Steinwedel, «Invisible Threads», chapter 7.

¹⁰ Казанский учебный округ включал Астраханскую, Казанскую, Самарскую, Саратовскую, Симбирскую и Вятскую губернии. Оренбургский округ – Оренбургскую, Пермскую, Уфимскую губернии, и две степные области – Тургайскую и Уральскую.

¹¹ *Ефиров А.Ф.* Нерусские школы Поволжья, Приуралья и Сибири: исторический очерк. – М., 1948. – С.48.

¹² Журналы заседаний съезда директоров и инспекторов народных училищ Оренбургского учебного округа в г.Уфе 11–16 июня 1912 года. Уфа, 1913, с.316.

¹³ *Азаматова Г.Б.* Указ. соч., с.158, 203. Златоустский уезд занимал ведущее место в губернии, т.к. он являлся центром горной и металлургической промышленности, что мотивировало рабочих получать образование. (*Фархиаатов М.Н.* Народное образование в Башкирии..., с.112).

¹⁴ Мир Ислама. 2. 1913, с.761.

¹⁵ Йолдыз, 10 апреля, 1914, с.2–3.

¹⁶ Вопрос введения земств в юго-восточные пограничные губернии (Астраханскую, Оренбургскую и Ставропольскую) был на повестке одновременно с введением земств в западные пограничные губернии. Мусульманская пресса внимательно следила за законодательными процессами (Вақыт, 13 ноября, 1911, с.1; 26 января, 1912, с.1–2).

¹⁷ Stéphane A. Dudoignon, «Un islam périphérique? Quelques réflexions sur la presee musulmane de Sibérie à la veille de la Première Guerre mondiale», *Cahiers du Monde russe* 41, № 2–3 (2000), 321.

¹⁸ Данный вопрос рассматривается в более широком контексте организации махаллы. См. Наганав Нориhiro. Формирование мусульманского общества через царскую администрацию: махалля под юрисдикцией Оренбургского магометанского духовного собрания после 1905 г. // Татарские мусульманские приходы в Российской империи. Казань, 2006. С. 101–128.

¹⁹ Для более подробного изучения их рассуждений о «нации» см. Представление Дж.Валидова о понятии «нация», миллиат после первой российской революции (Сборник материалов итоговых конференций молодых ученых Института истории имени Ш.Марджани Академии наук РТ за 2003–2004 гг. Казань, 2004, с.222–228).

²⁰ Stéphane A. Dudoignon, «Status, Strategies and Discourses of a Muslim “Clergy” under a Christian Law: Polemics about the Collection of the *Zakât* in Late Imperial Russia», in Stéphane A. Dudoignon and Hisao Komatsu, eds., *Islam in Politics in Russia and Central Asia: Early Eighteenth to Late Twentieth Century* (London: Kegan Paul, 2001), 57, 59; Реформа махаллы была необходима для привлечения молодых в духовную службу (Тормыш, 23 ноября, 1914, с.1).

²¹ Steinwedel, «Invisible Threads», 326–327.

²² Протокол Уфимского губернского совещания, организованного с разрешения министра внутренних дел из доверенных башкирских волостей Уфимской губернии для обсуждения вопросов, касающихся магометанской религии и нужд башкирского населения: 22, 23 и 25 июня 1905 г. Уфа, 1905, с.18–19.

²³ ЦГИА РБ, ф. И-295 (Оренбургское магометанское духовное собрание), оп. 2, д.281, н.н. 8 августа 1906 г.

²⁴ Вақыт, 19 августа, 1906, с.3; 26 августа, 1906, с.1.

²⁵ Вақыт, 15 января, 1914, с.3.

²⁶ Вақыт, 10 декабря, 1913, с.2. Одна из библиотек была также учреждена в селе Янга Карамалы, Стерлитамакского уезда, где Мирсаид Султангалиев был назначен заведующим библиотекой.

²⁷ Салихов Р.Р. Указ. соч., с.52; Азаматова Г.Б. Указ. соч., с.132; Железнякова Ю.Е. Указ. соч., с.63–64.

²⁸ Brooks, “The Zemstvo and the Education,” 253, 261–262; Eklof, *Russian Peasant Schools*, 84, 86, 88.

²⁹ Фархитов М.Н. Самодержавие и традиционные школы... с.67–68, 211–218. Следует добавить, что влияние православных миссионеров на действия МВД было очевидным в Казанской губернии.

³⁰ Steinwedel, «Invisible Threads», 329, 435–436.

³¹ Stéphane A. Dudoignon. “Qu'est-ce la «qadīmiya»? Éléments pour une sociologie du traditionalisme musulman, en Islam de Russie et en Transoxiane (au tournant des XIX et XX siècles),” in Stéphane A. Dudoignon et al., eds., *L'Islam de Russie: Conscience communautaire et autonomie politique chez les Tatars de la Volga et de l'Oura, depuis le XVIII siècle* (Paris: Maisonneuve et Larose, 1997), 207-225; Adeeb Khalid, *The Politics of Muslim Cultural Reform: Jadidism in Central Asia* (Berkeley: University of California Press, 1998); Robert D. Crews, *For Prophet and Tsar: Islam and Empire in Russia and Central Asia* (Cambridge, MA: Harvard University Press, 2006).

³² НАРТ, ф. 1 (канцелярия казанского губернатора), оп.1, д. 835.

³³ Салихов Р.Р. Указ. соч., с.24, 29.

³⁴ Салихов Р.Р. Указ соч, с.50–51; 1906 sene 16-21 Avgustta İctima Etmış Rusya Müslümanlarının Nedvesi (Kazan, 1906), 59–60, 101.

³⁵ Вақыт, 16 декабря, 1906, с.2.

³⁶ НАРТ, ф. 2 (Казанское губернское правление), оп.2, д. 8958, л. 17–19 об.

³⁷ См. *Наганова*. Формирование мусульманского общества.

³⁸ Ridā' al-Dīn b. Fakhr al-Dīn, *Maktab wa zakāt, khazīna wa zīmstwā yārdamī* (Orenburg), 54, 59, 62–63. Несмотря на то, что год издания не напечатан, согласно информации «Вақыт», данный труд появился в 1909 г. (Вақыт, 7 мая, 1909, с.3–4).

³⁹ Абрамов В.Ф. Земство, народное образование и просвещение // Вопросы истории. 1998. № 8, с.47–48.

⁴⁰ Eklof, *Russian Peasant Schools*, 177.

⁴¹ Григорьев П.Н. Очерк деятельности Уфимского губернского земства по народному образованию. 1875–1910. Уфа, 1910, с.133. В 1914 году, например, 14 человек окончили Казанскую татарскую учительскую школу. Семь из них получали стипендию от казны, шестеро – от земств, один – благочестивое пожертвование оренбургского торгового магната Ахмада Хусаинова. Десять из четырнадцати были из Уфимской губернии (Тормыш, 6 июня, 1914, с.3).

⁴² XXXIV Уфимскому очередному губернскому собранию: доклад Губернской управы по вопросу о школьной сети в отношении мусульманского населения губернии. Уфа, 1908, с.1–4, 12.

⁴³ ЦГИА РБ, ф. И-295, оп. 11, д. 676, л. 145–148.

⁴⁴ Васильев А.В. Исторический очерк русского образования в Тургайской области и современное его состояние. Оренбург, 1896, с.57.

⁴⁵ Григорьев П.Н. Очерк деятельности Уфимского губернского земства, с.126, 129; Отчет Уфимской губернской земской управы XXXVIII очередному Уфимскому губернскому земскому собранию по отделу народного образования за 1912 год. Уфа, 1912, с.6.

⁴⁶ Журналы заседаний съезда директоров и инспекторов народных училищ Оренбургского учебного округа в г.Уфе. 11–16 июня 1912 г. Уфа, 1913, с.408.

⁴⁷ Для более подробного рассмотрения программы курса см.: Эфирова А.Ф. Указ соч., с.66.

⁴⁸ Оренбургская губернская земская управа выдвинула план о проведении летних курсов для учительниц-женщин мектебов и школ в 1917 году (Доклады Оренбургской губернской земской управы четвертому очередному Губернскому земскому собранию: подотдел образования иногородцев, Отдел народного образования. Оренбург, 1916, с.43–44, 50–57).

⁴⁹ Мактаб. № 1. 1914, с.7–11; №2 . 1914, с.32–38; №3. 1914, с.55–61.

⁵⁰ Мактаб. №2. 1913, с.40–42.

⁵¹ Dowler, *Classroom and Empire*, 204. Когда законопроект о всеобщем обучении был внесен в Государственную Думу в октябре 1910 г., в оренбургском городском театре собрались больше 3000 людей, требующих обеспечения родного языка и религиозных предметов в будущих начальных училищах. ЦГИА РБ, ф. И-295, оп. 11, д. 914, л. 60.

⁵² Журналы совещания при Уфимской губернской земской управе по вопросу о типе национальной общеобразовательной мусульманской школы. 23–25 мая 1911 г. Уфа, 1911, с.9–11; Первый общеземский съезд по народному образованию 1911 года: Доклады. Т. 1. М., 1911, с.690.

⁵³ Steinwedel, «Invisible Threads», 451–454.

⁵⁴ Два чиновника МНП не принимали участия в дебатах.

⁵⁵ Журналы совещания, с.41–51. Одним из присутствующих был Фатих Каримов, главный редактор газеты «Вақыт». Для более подробного рассмотрения его оценки конференции см.: Вақыт, 3 июня, 1911, с.2.

⁵⁶ Отчет Уфимской губернской земской управы, с.30–32.

⁵⁷ Азаматова Г.Б. Указ. соч., с.154. Губернская статистика показала, что Мензелинский уезд имел наибольшее количество мектебов, что объяснялось земским субсидированием (*Обухов М.И.* Мактабы Уфимской губернии: Статистический очерк татарских и башкирских низших школ (мактабов) Уфимской губернии по данным исследования Уфимской губернской земской управы. Уфа, 1915, с.9).

⁵⁸ *Обухов М.И.* Указ. соч., с.30–31.

⁵⁹ Там же, с.40.

⁶⁰ Для более детального изучения обстановки до 1905 г. см.: *Григорьев П.Н.* Указ. соч., с.130–131.

⁶¹ *Абрамов В.Ф.* Указ. соч., с.49.

⁶² Журналы совещания..., с.19, 54–55, 74. На самом деле, после совещания Уфимская губернская управа попросила ОМДС выработать проект программы преподавания по вероучению. ЦГИА РБ, ф. И-295, оп. 6, д. 2588, л. 1.

⁶³ Журналы заседаний съезда..., с.12–36.

⁶⁴ *Фархитов М.Н.* Самодержавие и традиционные школы ... , с.69.

⁶⁵ Журналы заседаний съезда..., с.329, 331, 341–342, 345–346.

⁶⁶ Нерусские школы не всегда были смешанными (*Эфиров А.Ф.* Указ соч., с.29, 48–49).

⁶⁷ Решения этого съезда вполне возможно повлияли на «Правила о начальных училищах для инородцев» от 14 июня 1913 г. *Фархитов М.Н.* Самодержавие и традиционные школы, с.87–88, 247.

⁶⁸ Eklof, *Russian Peasant Schools*, 88, 95, 118–119.

⁶⁹ Seregny, «Zemstvos, Peasants, and Citizenship», 302, 304. Несмотря на военную цензуру, «Вақыт» посвятил много страниц войне и деятельности земства.

⁷⁰ Вақыт, 17 июня, 1915, с.1; 20 июня, 1915, с.1–2; 13 января, 1916, с.1–2. Журналы первого и второго совещаний по народному образованию при Оренбургской губернской земской управе в 1915 году. Оренбург, 1915, с.39–42, 44–45; Оренбургское губернское земское собрание, третья очередная сессия, доклады по народному образованию. Оренбург, 1916, с.119, 121–126, 190–226.

⁷¹ Dowler, *Classroom and Empire*, 220. Епископ Уфимского и Мензелинского уездов Андрей раскритиковал министра народного просвещения Кассо из-за игнорирования религиозного образования. Он также осудил Мензелинское уездное земство за финансирование не церковно-приходских школ, а мектебов и медресе. В бюджете 1915 г. это земство мектебам и медресе выделило 14700 рублей. (Епископ Андрей. Мнения уфимских земств о церковных делах. Уфа, 1915, с.32–33, 48–49). Для более подробного ознакомления со сведениями о епископе Андрее см.: *Ларина Е.И.* Епископ Андрей и доктрина Министерства внутренних дел Российской империи в мусульманском вопросе // Сборник русского исторического общества, т. 7. М., 2003, с.212–225.

⁷² Следует напомнить, что правила 13 июня 1884 года о церковно-приходских школах также послужили противовесом земским школам (*Абрамов В.Ф.* Указ. соч., с.46, 48).

⁷³ Robert P. Geraci, *Window on the East: National and Imperial Identities in Late Tsarist Russia* (Ithaca: Cornell University Press, 2001), 285–295.

⁷⁴ Мактаб. № 2. 1913, с.57–60; №5. 1913, с.121–123.

⁷⁵ Мактаб. №6. 1913, с.145–149.

⁷⁶ Мактаб. № 1. 1913, с.30–32.

⁷⁷ Dudoignon, «Un islam périphérique?» 329.

⁷⁸ Мактаб. № 3. 1913), с.90–92.

⁷⁹ Dudoignon, «Un islam périphérique?» 320–322, 333–335.

⁸⁰ Мактаб. № 8. 1913, с.192–197; №10. 1913, с.237–242; №11. 1913, с.283–284.

⁸¹ В среде мусульман оставался спорным вопрос относительно того, имели ли право благотворительные общества собирать и распоряжаться исламским подоходным налогом (*закят*). Dudoignon, «Status, Strategies and Discourses», 51–54; *Миннуллин З.* Благотворительные общества и проблема закята у татар (конец XIX – начало XX вв.) // Татарские мусульманские приходы в Российской империи. Сб. статей. Казань, 2006, с.30–41.

⁸² *Коблов Д.Я.* Конфессиональные школы казанских татар. Казань, 1916, с.76–70. Сами казанские татары часто сравнивали результаты деятельности казанских земств с результатами уфимских земств. (Кояш, 2 марта, 1914, с.1; Йолдыз, 14 марта, 1914, с.1–2).

⁸³ Мугаллим. № 4. 1913, с.50–52.

⁸⁴ Мугаллим. № 5. 1914, с.66–68.

⁸⁵ Jamāl al-Dīn Walīdī, *Millat wa Milliyat* (Orenburg, 1914), 28–29.

⁸⁶ Вакыт, 18 февраля, 1914, с.2–3.

⁸⁷ Журналы заседаний съезда..., с.310–311.

⁸⁸ Вакыт, 6 августа, 1914, с.1.

⁸⁹ Акт частного совещания духовных лиц округа Оренбургского магометанского духовного собрания на 14 и 15 декабря 1913 года. Уфа, 1914. В данную брошюру входят русская и татарская версии. В 1915 г. отдел образования инородцев при Оренбургской губернской земской управе раздал 300 копий этой брошюры в основном для земских библиотек мусульман. Предполагалось, что эта брошюра «бьет под корень глубокого фанатизма Российских мусульман, что мактабы и медресе должны быть исключительно конфессиональными». Доклады Оренбургской губернской земской управы, с.9–10.

⁹⁰ Тормыш, 24 августа, 1914, с.2–3.

⁹¹ Журналы совещания..., с.45.

⁹² Тормыш, 26 октября, 1914, с.2.

⁹³ Вакыт, 31 августа, 1916, с.4. На самом деле, как средства для содержания своих учебных заведений мусульманские сельчане рассчитывали на земельные вакуфы. Предполагалось, что при введении всеобщего обучения в школы должны отправить детей 12–13 возраста и за 4–5 лет до поступления должны обучать их религии в мектебах. Советуя поддерживать и реформировать мектебы за счет земельных вакуфов, некий Ризаэддин Хакимов предложил имамам нести ответственность за определение земельного участка на содержание мектебов при распределении общинной земли. Шура, 13 (1914), с.402–403. Также см. «справку о положении мектебе и медресе в башкирских деревнях» в ГАОО (Государственный архив Оренбургской области), ф. 21 (Оренбургское губернское жандармское управление), оп. 9, д. 4, л. 73об.

⁹⁴ Следует добавить, что вступление в должность министра просвещения П.И. Игнатьева после смерти Л.А. Кассо в ноябре 1914 г. также повлияло на деятельность земств. Игнатьев пользовался авторитетом в либеральной среде (*Абрамов В.Ф.* Указ. соч., с.49; Seregny, «Zemstvos, Peasants, and Citizenship», 297).

⁹⁵ Журналы I и II совещаний..., с.36–37, 41–47. К концу 1915 г. программа Бикчентаева была принята не только в земствах Оренбургской губернии, но и в Бирском и Златоустском уездных земствах Уфимской губернии (Доклады Оренбургской губернской земской управы ..., с.4).

⁹⁶ ГАОО, ф. 15 (Оренбургское губернское по городским и земским делам присутствие), оп. 1, д. 202, л. 37. Такое примирительное отношение сильно отличается от сопротивления того же городского управления против введения русского класса под нажимом местного учебного ведомства в 1900–03 гг. ГАОО, ф. 15, оп. 1, д. 42.

⁹⁷ Вакыт, 28 июня, 1915, с.1.

⁹⁸ Журналы I и II совещаний, с.115–119.

⁹⁹ Khalid, *The Politics of Muslim Cultural Reform*, 168–169, 172–175.

¹⁰⁰ Доклады Оренбургской губернской земской управы, с.67; Вақыт, 23 января, 1916, с.1.

¹⁰¹ Вақыт, 6 февраля, 1916 г., 2 марта, 1916, с.2–3. Таблица 2 сделана на основе статьи 2 марта 1916 г.

¹⁰² Бюллетень отдела народного образования. № 2, 1916, с.73–79.

¹⁰³ Вақыт, 8 апреля, 1916, с.1–2.

¹⁰⁴ Вақыт, 3 мая, 1916, с.2; 3 июня, 1916 г, с.3; 8 июня, 1916, с.2.

¹⁰⁵ Доклады Оренбургской земской управы, с.67–68.

¹⁰⁶ См. проект реформы мусульманской администрации, разработанный в 1914 г. мусульманскими представителями, включая депутатов Государственной Думы. Проект положения об управлении духовными делами мусульман Российской империи. СПб., 1914, с.17.

¹⁰⁷ Dowler, *Classroom and Empire*, 161.

¹⁰⁸ Geraci, *Window on the East*, 255.

¹⁰⁹ Вопрос по разным стратегиям религиозных ученых и других мусульманских деятелей для сохранения и защиты исламской составляющей при модернизации системы образования следует изучать в широком плане сравнения с опытами других мусульманских регионов мира. Например, см. Muhammad Qasim Zaman, «Religious Education and the Rhetoric of Reform: The Madrasa in British India and Pakistan», *Comparative Studies in Society and History* 41, no. 2 (1999): 294–323.

Аннотация

Статья посвящена процессам, происходившим в начале XX в. в сфере школьного образования в Уфимской губернии, где около половины населения составляли мусульмане. В отличие от других губерний в этом регионе татары и башкиры, главным образом, через институт земских учреждений были активно вовлечены в реформирование системы мусульманского образования, составной частью которой являлось введение русского языка в учебно-образовательный процесс. Автор рассматривает два аспекта этой сложной проблемы: финансовые средства традиционных религиозных общин на образовательные цели и место мектебе в модернизации государственной системы школьного образования.

Ключевые слова: Уфимская губерния, всеобщее обучение, джадидизм, земства, земские гласные, мусульманские традиционные общины, мектебе и медресе.

Summary

The article is devoted to the processes that took place in the early twentieth century in the field of school education in Ufa province, where about half of the population were Muslims. Unlike other provinces in this region the Tatars and Bashkirs, mainly through the institution of the zemstvo establishments were actively involved in reforming the system of Muslim education, part of which was the introduction of the Russian language in the educational process. The author examines two aspects of this complex problem: funding of traditional religious communities in the educational goals and a place of mekteb in the modernization of state school system.

Key words: Ufa Province, universal education, jadidism, zemstvo, zemstvo councilors, traditional Muslim communities, Mekteb and madrasa.